

Е.С. НАГОРНОВА

**СВОЕОБРАЗИЕ ОЧЕРКА СВЯЩЕННИКА П.И. МАЛЬХОВА
«СИМБИРСКИЕ ЧУВАШИ И ПОЭЗИЯ ИХ»**

В первоначальном варианте художественно-этнографический очерк «Симбирские чуваша и поэзия их» публикуется в «Симбирских губернских ведомостях» (неофициальная часть, № 4-6, 8, 10, 12-15, 1869 г.), а в 1877 г. отдельной книгой издается в Казани.

Неизвестными остаются биографические данные П.И. Мальхова. В дореволюционных и послереволюционных изданиях по этнографии и фольклору приводятся лишь название очерка и упоминание, что П.И. Мальхов был симбирским священником. Данные взяты из предисловия к книге: «Симбирские чуваша и поэзия их», которая «составлена священником П.И. Мальховым в пользу симбирского епархиального женского училища (Казань, 1877), посвящается ее превосходительству попечительнице симбирского епархиального женского училища Марье Михайловне Фатьяновой» [3].

Работа с церковным фондом Ульяновского государственного архива по выявлению биографических данных священника и очеркиста пока не дала положительных результатов, поэтому предполагаются дальнейшее изучение жизнедеятельности П.И. Мальхова, выявление источников его очерка. Некоторые такие источники в ходе исследования нам удалось обнаружить. В их числе следует упомянуть прежде всего работы В.И. Сбоева «Исследования об инородцах Казанской губернии» (Казань, 1856), В.П. Вишневого «О религиозных поверьях чуваш» (1846). Не претендуя на авторство материалов, еще в предисловии П.И. Мальхов пишет о том, что «книга составлена».

Условно работу можно разделить на четыре части. Первая является как бы вводной, здесь приводятся количественные данные о чувашах симбирской губернии, дается объяснение названию г. Симбирска; приводится сказание о Киремете. Отдельные места почти полностью сходятся с работой В.И. Сбоева, к примеру, те, в которых говорится о происхождении чувашей. Симбирский священник согласен с мнением Сбоева о том, что якобы слово «буртасы» «есть форма употребляемого глагола бурнас, жить, быть оседлым» (В. Сбоев), «из буртасов, впоследствии, переименовались в чуваш... Бурнась – жить, обитать, населять» (П. Мальхов).

Схоже в очерке П.И. Мальхова сказание о Киремете. Приведем места, где совпадение почти полное. Текст В. Сбоева выглядит так: «Люди, подстрекаемые шайтаном, убили его в то время, когда он в пышной колеснице, запряженной белыми конями, разъезжал по земле, всюду принося с собою плодородие, обилие благ земных, довольство, счастье. Чтобы скрыть от верховного бога свое ужасное преступление, люди сожгли тело убитого сына его и прах его развели по ветру. Но там, где пал на землю этот прах, выросли деревья, а с ними возродился и сын бога уже не в одном лице, но во множестве враждебных человеку существ...» [5, с. 111]. П. Мальхов приводит сказание почти без изменений: «...Люди, обольщенные Шайтаном (дьяволом) прогневали Бога ужасным преступлением, они убили кереметь в то время, когда он разъезжал по земле на белых конях в блестящем своем экипаже. Но, чтобы скрыть от Бога следы своего преступления, они сожгли тело убитого и развеяли прах его по

ветру. Но там, где пал прах его, выросли деревья, а с деревьями возродился и кереметь, и уже во множестве враждебных человеку существ» [4].

Во второй части П. Мальховым приводится мифология чувашского народа, рассматривается классификация языческих божеств в сравнении с христианскими. Здесь опять чувствуется влияние работ В. Вишневого и В. Сбоева. Примеры сопоставления языческих и христианских божеств есть у обоих авторов. По словам Вишневого: «...Пюлюхсь есть то же, что у христиан Михаил Архангел, Мун-ира – Ангел-хранитель; Пигамбар – Георгий Победоносец, ... херле сирь – Николай угодник...» [1, с. 191]. У В. Сбоева «пюлюхси» – архангел, «пигамбар» – Георгий Победоносец или Илья Пророк, «сюльди» – «торы амыш» – Пресвятая дева, «торь-ира» (бог благоденний – ангел-хранитель). Приводя классификацию, П. Мальхов не копирует их, а составляет свою, с объяснениями и дополнениями.

В ходе повествования приводится текст молитвы чувашей к русскому богу, сначала на чувашском языке, а затем в переводе на русский. Примеры молитв богу, киремети, а также поэтические тексты в последней части сближают очерк П. Мальхова с казанской очерковой школой, для которой характерна поэзия. С очерками А. Фукс и В. Сбоева его также сближают поэтические тексты (молитвы, песни). В этом отношении можно упомянуть В. Лебедева, С. Михайлова, включивших свои стихотворения в очерки и статьи. У первого – это стихотворение на чувашском языке и перевод его на русский в статье «О чувашском языке», у второго – свадебный плач (оригинальное стихотворение на русском), включенный в очерк «Чувашские свадьбы».

В целом очерк П. Мальхова схож с очерками 40-50-х годов XIX в., включившими в себя элементы «изящной словесности», публицистики и научного исследования. Очерк подчинил единому объектно-тематическому сюжету самые разные формы и жанры устного повествования.

После приведения классификации божеств П.И. Мальхов описывает обращение чувашей к (хаяр) злобной киремети. Написанный ироничным стилем, показывающий просьбу чуваша о наказании врага киремети отрывок выглядит как отдельная миниатюра. Характерным для автора является широкое использование эпитетов: «И вот, с жадной мести, идет он к Злейшей керемети. Озираясь кругом, чтоб кто его не заметил, он уже входит в чащу заветной рощи. Длинные тени от заходящего солнца и пробивающийся сквозз ветви огнистый луч солнца рисуют в его воображении страшный чудовищный образ керемети. Бледный и дрожащий, он, кажется, без оглядки, чтобы бежать отсюда, но вмиг, вспомня всю горечь вынесенного оскорбления, забывает он весь страх. Подслеповатые глаза его налились кровью, губы посинели, дрожащие колена невольно прогнулись, то воздевает он руки, то бьется о землю, издавая глухи звуки молитвенных слов. Он молит всех возможных бед и зол врагу своему:

Хаярь Кереметь;	Грозная Кереметь,
Узаль Кереметь.	Злая Кереметь!
Чазрахъ тыдь уна:	Скорей возьми его,
Виляръ уна...	Умертви его...
Тибь булдырь уна:	Да будет гибель ему:
Кашкырь уна сиящи,	Чтобы волк его съел,
Муръ уна перещи ...	Чтобы мор его взял» [4].

Повествователь занимает позицию наблюдателя со стороны.

При описании отдельных языческих обрядов, приведения классификации различных божеств в конце подчеркивается необходимость христианского ве-

роисповедания. Такой подход объясняется, видимо, тем, что автором очерка являлся священник. Разделяющего христианское вероисповедание автора радует сближение чувашского народа с русскими. В этом он близок другому чувашскому очеркисту С.М. Михайлову, который также открыто выражал свою радость от сближения с русским народом. При описании языческих обрядов выражается радость по поводу того, что все они уже утратили свое былое значение. Будучи священником, П. Мальхов считал обращение чувашей в христианскую веру неизбежным и нужным делом. Но в отличие от других священников (А. Пантусова и Е. Бельского) он не чернит языческие обряды, и даже больше, с большим интересом описывает празднество пятка, обряды жертвоприношения.

П. Мальхов не только очеркист, не только священник, но и художник. Языковой стиль очерка насыщен изобразительными средствами. Например, вот как он описывает проведение чувашами обряда «чук»: «И вот начинается дикая оргия: шумит восторженная толпа людей, кричит под ножами закалаемая скотина, трещат костры из-под навешанных котлов, и все это – и шум, и крик, и треск вместе с клубами дыма поднимается вверх и далеко разносится в воздухе. Всполошенные воробьи, скворцы и голуби собираются в стаи и кружатся над сборищем, но встречаемые залпами ловких стрелков, валяются на землю. Подстреленная птица со всеми с перьями бросается в кипящие котлы. Варится общий чук, клокочет мутная жидкость – это жертвенная пища...» [4]. Автор привлекает внимание читателей зрительностью происходящих событий.

Повествование преимущественно ведется от третьего лица. Излагаемые в очерке сведения будто существуют сами по себе. Между автором и повествователем нет никакого посредника. Сам автор и является повествователем. Тем не менее и в таком изложении встречаются слова и выражения, непосредственно раскрывающие отношение автора к рассказываемому. К примеру, во вводной части автор выражает себя следующей репликой: «И действительно, опираясь на сравнительное изучение языка чуваш, положительно следует отнести их к числу тюркских племен и признать в них древних буртассов...» [4].

Особенностью очерка является романтический стиль. Чувашаи представлены Мальховым поэтичным, музыкальным народом. В целом для очерка характерен возвышенный пафос. Особо ярко это проявилось в последней части работы «Свадебные обычаи чуваш». Свадебные обряды описываются им живо и красочно. Вопросительные и восклицательные знаки сближают язык произведения с живым разговорным языком, риторические обороты привносят в речевой поток различные интонации, а все это помогает воссоздать яркую картину чувашской свадьбы. Для примера приведем отрывок из очерка: «Гуляют довольные гости ... Загудела незатейливая музыка – скрипка и волынка. На такой радости заплясали молодцы живее, а сред их что не лебедь гордо выплывает – веселая свахонька Шарук плавно выступает. Она плечиками-то водит, она ручками-то машет, глаза пламень мечут! Веселье разбирает всех. Все пошло плясать! Пляшет и Аврелля, пляшет и Верхелля, старый дедушка Аззеля, и тот шлепает своими отвислыми губами, а жилистые руки его выбивают так заглушаемой общим гамом жалкой музыке. Везде восторг, везде веселье!... И не диво. Чего не стало у нашего хозяина?! В чем недостаток?!» [3, с. 35].

Для Мальхова характерна некая эмоциональность в передаче материала. Часть «Свадебные обычаи чуваш» отличается особым поэтическим настроением. Особую роль имеют восклицательные знаки, усиливающие яркость свадебных действий: «Звучи громче, скрипка! Надавай веселье!!! Так пируют Чувашаи на бога-

той свадьбе!... Но, тише! Чу! От радости, счастья и удовольствия сами старики родители запели...» [3, с. 35]. По сравнению с предыдущими частями, в «свадебной» части рисуются не обобщенные типы, а конкретные люди во время их конкретных действий. Отдельные личности даже называются по именам, дается их портрет. В нашем случае такими образами являются Шарук и Азелля.

Описание свадьбы Мальховым противостоит описанию чувашской вечеринки у В.И. Лебедева. В очерке «Симбирские чуваша» глазами наблюдателя за происходящим описываются чувашские танцы: «хлопанье в ладоши, кривлянье пляшущих, присвистывание гостей, гарканье сумасшедшего танцора, визг пузырей, бряканье гуслей, курево от дубового лучины, жар и светящаяся копоть избы – все это рисует какую-то мрачную картину взволнованного ада. Между тем, как музыка изо всей мочи ревет ... пиво непрестанно обносится по гостям и довершает выступление компании» [2]. Если для Лебедева танцы чувашей – «картина ада», то для Мальхова это «картина веселой пляски». В этом отношении очерк П. Мальхова, как и ранние очерки С. Михайлова, отличается своей романтичностью.

«Наше» Мальхова является формой единения с русским читателем. Очерк адресуется русским читателям, и автор как бы сливается с ними, не выражая своей национальности. В отличие от предыдущих симбирских публицистов А. Пантусова, Е. Бельского, П. Мальхов с присущей ему романтичностью описывает поминки младенца своей матерью. Повествователь наблюдает за происходящим, будто находясь недалеко от того места, где происходит действие. Глаголы настоящего времени используются с позиции изображаемого настоящего: «Одна лишь сердобольная, скорбная мать скромно приходит на могилку милого детища, и в причитаниях выражая тоску свою, чтоб утешить его, разломит на мелкие кусочки блинчика, разлупит не печеного яичка и все это положит на святую насыпь могилы, если же младенец при жизни не был еще отнят от груди, то изголовье могилки оросится грудным молоком ласковой матери. Не подозревая посторонних свидетелей, суеверная чувашка утешает этим усопшее детище и возвращается домой, полная упования, что этим исполнила долг матери» [4]. Но наиболее яркой, эмоциональной получилось описание свадебных обычаев чувашей. Для него важнее художественное изображение действий персонажей.

Важную часть очерка составляют чувашские песни. Используя работы предыдущих исследователей А. Фукс, В. Сбоева, В. Лебедева, П. Мальхов приводит противоречивое утверждение о песенном творчестве чувашей: «И говорят, что у Чуваш нет своих песен, сложившихся временем, будто если и вздумает он петь, так тянет бесконечно: ое, ее, ае, яе, или алим, галим, алялим, вроде нашего тра-ла-ла, трал-ла-ла; но, напевая, таким образом, чуваша как любители импровизации, стараются складненько подобрать и слова, приличные времени и месту... Говорят чуваша и, насколько чувствуется ими потребность песен...» [3, с. 39]. Защищая песенное творчество чувашей, автор приводит и такое высказывание: «И это говорит народ, еще угнетаемый Богом и людьми. А что, если бы встал баян чувашский (буртасский) времен минувших, времен счастливых!? Натянул бы мощным духом свою волынку и пропел он былинку народа славного, народа вольного... Пускай бы ведал целый свет, что где народ – там и поэзия» [3, с. 39].

В подтверждение правоты своих высказываний П. Мальхов приводит тексты чувашских песен. Например, говорит, что «чуваша, как любители импровизации, стараются складненько подобрать и слова, приличные времени и месту» и вслед за этим приводит песню и перевод его на русский язык.

Юрла, юрла,	напевая, напевая
Юр тупрымь:	песенку нашел:
Пичиксь пичкень	что в маленькой бочке
Пуль тупрымь!	мед обрел!

В числе источников песен приведенных симбирским очеркистом, следует называть работу В. Сбоева «Исследование об инородцах Казанской губернии» (Казань, 1856), где тот приводит записанные Н.И. Золотницким в 1848 г. у чувашского певца Ягура песни и переводит их на русский язык. Все песни, кроме «Кашкаш вӑрман, каш вӑрман» («шумит, шумит лес»), «Атте панӑ хора лаша» (Данная отцом гнедая лошадь), П.И. Мальхов включает в свою работу. Если в работе В. Сбоева тексты песен даны на верховом диалекте, как и в оригинале, то П. Мальхов приводит их уже на низовом. Заметим, что чувашские тексты песен полностью совпадают. И лишь в одной песне, встречающейся в очерке В. Сбоева, «Ай, ай, инге, Куль-инге» («Ай, ай, Акулинушка») вместо Акулины Мальхов использует имя Алдати (Авдотьюшка). К числу используемых Мальховым из книги В. Сбоева песен следует отнести «Хура хирьзене...» («Девушек смуглянок...»), «Кикирику, сар авдан» («Кикирику петушок»), «Чол холара чун вылять» («Что в нижнем городе душа играет») «Пыть, пыть пудене!» («Пыть, пыть перепелка!»), «Ква, ква кувагал!» («Ква, ква утка!»), Ай-ай, инге, Алдади (Ай, ай свет, Авдотьюшка), «Хирь, чибери? Тылла пусь!» («Хороша ль невеста? – Кочка!...»).

Включая тексты песен в очерк, П. Мальхов предпочитает свою классификацию, разделяя их по признаку, кто поет: молодые девушки, старики, молодые парни, гости, родственники жениха и т.д. К развлекающим песням он относит песни, широко распространенные в народе: «Атя, инге, вурмана...», «Шибыр, шибыр сьумур сьувать» («Шибыр, шибыр дождь идет»), «Адыл лежеки сьранлыг» («Как за Волгой сенокос»), «Хура хурын турынце» («Как на старой» – обычно такие песни пели молодые девушки, развлекавая невесту). Далее Мальхов приводит гостевые (застольные) песни, исполняемые стариками и гостями. К «стариковским» песням очеркист отнес следующие: 1) «Хура хирьзене» («Девушек смуглянок»); 2) «Кикирику, сар авдан» («кикареку петушок»); 3) «Чол холара чун вылять» («Что в Нижнем городе душа играет»); 4) «Шурда шур кут йиви нумай» («Много в березке стрижьих гнездышек»); 5) «Шингыр, шингыр шив югать» («Шумит, журчит, вода течет»); 6) «Пахчи, пахчи пан улми» («Садик, садик фруктовый»).

К числу песен, исполняемых молодыми парнями, Мальхов относит песни «Квак, квак квагарчин...» («Сизенький голубочек...»), «Пичиксь лажа, тур лажа» («Маленькая лошадка, гнединька лошадка»), «Сезень хирде сескелих!» («Как в степи цветочки»), «Вун-ик лажа кюльзе...» («На двенадцати конях...»), «Пыть-пыть пудене!» («Пыть, пыть перепелка!»), «Ква, ква кувагал» («Ква, ква утка!»), «Сюль тузиньче лажа килет...» («Лихо в гору конь бежит»), «Вун-икь лашаб кильдымыр» («На двенадцати конях мы приехали»). К песням, исполняемых родственниками жениха, очеркист относит песни, критикующие невест. Таковы «Ай, ай, инге Алдатий» (Ай, ай свет, Авдотьюшка) и «Хирь, чибери? Тылла пусь!» («Хороша ль невеста? – Кочка!...»).

В отличие от Мальхова, предыдущий очеркист В. Сбоев делит свои песни не по тому, кто их поет, с каким они связаны обрядом, а с учетом пафоса и стиля текста, различая, таким образом, эротические, обрядовые и сатирические («бренные»). К первым относятся песни: «Пыть, пыть перепелка», «Брюнеток девушек ...», «Кикирику, петушок», «Ква, ква, утка». В последние две группы В. Сбоев включает свадебные песни: «Молодая Акулинушка», «Хороша ль невеста? – Кочка!»

В целом для П. Мальхова характерен вольный перевод текстов чувашских песен. Приведенные из книги В. Сбоева тексты песен симбирский священник также переводит по-своему, не меняя чувашские тексты.

Вот как, например, переводит В. Сбоев:

Хора хирь-зэне	Брюнеток девушек
Хора Тора сюратны;	Черный бог родил;
Хирле хирь-зэне	Красных девушек
Херле тора сюратню,	Красивый бог родил,
Хирь-зэм хизирь балас-ран	А чтобы девушки не были бесплодны,
Пире тора сюратны. –	Для того нас бог родил.
Хора хир-зэне	Черным девушкам
Хора корга-ба сыра барас!	Черным ковшом пиво поднести!
Хирле хирь-зэне	Красным девушкам
Хирле корга-ба сыра барас.	Красным ковшом пиво поднести.

Перевод же П. Мальхова выглядит совсем по-другому. Кроме того, у него отличаются переводы чувашских песен в газетном и книжном вариантах. Для сравнения приведем перевод приведенной выше песни в газете и в более поздней книге, без приведения чувашского текста.

Брюнеток девушек черный бог родил,	Боги черные родили
Красных девушек прекрасный бог родил,	Девушек смуглянок,
А чтобы красавицы не были бесплодны,	Красных девушек
Нас бог для того родил.	Прекрасные боги.
Черным девушкам	А чтобы племя размножалось,
Черным ковшом пиво поднести,	Боги нас родили.
А красным девицам,	Всем смуглянкам – черный ковш,
Красным ковшом пивца поднести.	Красавицам – красный ковш
	Угощаться бражкой!

Газетный вариант при этом получился более точным, а книжный – более выразительным, хотя в отдельных случаях меняются значения слов, искажается смысл.

Завершая работу, обобщим наши изыскания. В периоде зарождения очерков о чувашах большое значение имело Русское географическое общество, со времени образования которого газеты «Губернские ведомости» начали играть важную роль в освещении прошлого страны и этнографии. В 40-50-е годы XIX в. этнографические материалы облакаются в жанр очерка на страницах казанских губернских ведомостей и только в 60-70-е годы жанр очерка зарождается в симбирской газетно-журнальной публицистике. При этом для ряда очерков характерен негативный оттенок. Таковы работы А. Пантусова, Е. Бельского, В. Комарова и др. В эти годы было сильно развито убеждение о «глупости, невежественности» чувашей. Между тем зависело это от того, что некоторые представители дворянства и священники за высокую культуру принимали только христианские ценности.

Тем не менее были и другие люди, которым была интересна культура и традиции чувашей. В числе таких были М. Арнольдов и П. Мальхов. Будучи представителем крайне левого крыла Симбирского земства, М. Арнольдов открыто защищал интересы чувашей. В ходе его дружбы с И.Я. Яковлевым появилась совместная статья «Учук», целью которой был показ чувашского народа как народа с особенной культурой. Значение очерка было в том, что он

способствовал появлению в симбирской периодике художественных очерков о чувашах, каковой можно считать работу приведенного выше П. Мальхова, симбирского священника. Не претендуя на авторство материалов, П. Мальхов составляет книгу по разным источникам. Некоторые такие источники мы определили: это работа В.И. Сбоева «Исследование об иногородцах Казанской губернии» и В.П. Вишневого «О религиозных поверьях чуваш». В художественном плане наиболее удачной получилась часть очерка «Чувашская свадьба», для которой характерен романтический стиль. В своей работе П. Мальхов представлен «художником слова», собирающим и анализирующим обряды и песенное творчество чувашей. В ряде мест очерк читается как рассказ.

В его работе сохранился этнографический подход к изображению жизни чувашей, и она представляет собой жанр художественного очерка, хотя в нем и встречаются отдельные элементы художественной прозы.

Литература

1. *Вишневский В.П.* О религиозных поверьях чуваш // Письменная культура раннего просветительства / *В.П. Вишневский*; сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 172-192.
2. *Лебедев В.И.* Симбирские чуваш / *В.И. Лебедев* // Журнал МВД. 1850. Кн. 4. СПб., С. 303-355.
3. *Мальхов П.И.* Симбирские чуваш и поэзия их / *П.И. Мальхов*. Казань, 1877. 39 с.
4. *Мальхов П.И.* Симбирские чуваш и поэзия их / *П.И. Мальхов* // Симбирские губернские ведомости. 1869. № 4, 6, 8, 10, 12, 13, 14, 15.
5. *Сбоев В.И.* Исследования об иногородцах Казанской губернии / *В.И. Сбоев* // Сочинение В.И. Сбоева. Издание книгопродавца Дубровина. Казань, 1856. 188 с.

НАГОРНОВА ЕЛЕНА СЕМЕНОВНА родилась в 1974 г. Окончила Чувашский государственный университет. Соискатель кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского университета. Автор 7 научных статей.
